

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-19-2-115>ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

УДК 82

СОЗЕРЦАТЕЛЬ VS РАЗОЧАРОВАННЫЙ СТРАННИК: ДВОЯЩИЙСЯ ПЕРСОНАЖ В «ЗАМЕТКАХ» А. ПЛАТОНОВА

Е.Н. Проскурина (Новосибирск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. «Заметки» А. Платонова входят в корпус его ранних лирико-философских рассказов. К ним относятся произведения 1921 г. «Жажда нищего», «В звездной пустыне», «Поэма мысли», «Невозможное». Однако до сих пор «Заметки» не анализировались как часть этого круга произведений.

Цель исследования: на анализе типа героя, поэтики сюжета показать единство «Заметок» с другими лирико-философскими рассказами Платонова. Раскрыть динамику образа героя и стратегию сюжета рассказа. Выявить его особое место в кругу названных произведений. Показать связь платоновского героя-странника с Заратустрой Ф. Ницше, а также ницшеанские истоки некоторых мотивов в рассказах Платонова.

Выводы. В отличие от других лирико-философских рассказов, «Заметки» имеют двухчастную структуру. Принцип контрапункта, организующий две части, оправдан авторской логикой: она движется от умозрительного очарования видом «бесконечных пространств» и «далеких деревень» к разочарованности реальной жизнью. Таким образом, обе части существуют в согласовании друг с другом, образуя единое текстовое целое с заложенной в нем контрастной основой. Своими «Заметками» Платонов завершает одно из направлений собственного творчества, подводит итог своим сложным лирико-философским, утопическим рефлексиям. В дальнейшей творческой перспективе утопические проспекции все отчетливее оборачиваются своей жанровой противоположностью.

Ключевые слова: *ранняя проза А. Платонова, Ф. Ницше, лирико-философская проза, поэтика сюжета, мотив, контрапункт.*

Тип героя-созерцателя, раз и навсегда очарованного таинственной красотой мира, проходит через все творчество Платонова. В ранний период начала 1920-х гг. он наиболее развернуто представлен в корпусе лирико-философских рассказов «Жажда нищего», «В звездной пустыне», «Поэма мысли», «Невозможное», а также в первой части «Заметок», озаглавленной «В полях». Отметим, что «Заметки» остаются практически не исследованным произведением писателя. Нами обнаружена лишь одна посвященная им статья [Брагина, 2008]. Тем более они не анализировались как часть лирико-философской прозы Платонова. Некоторые наблюдения в этой связи сделаны нами в работе [Проскурина, 2021].

Приведем начало рассказа «В звездной пустыне»:

«Был глубокий вечер и звезды. От звезд земля казалась голубой. Звезды стояли. Игнат Чагов шел один в поле. <...> Он не мог видеть равнодушно всю эту нестерпимую, рыдающую красоту мира. ...Подними только голову, и радостная

мука войдет в тебя. Звезды идут и идут, а мы не с ними, и они нас не знают» [Платонов, 2004, с. 176]¹.

Схожая картина в более развернутом варианте представлена в рассказе «Невозможное», где увидена героем и его «лучшим другом»:

«Раз мы стояли с ним в поле ранним утром. На востоке в нежном невыразимом свете горела одна пышная последняя голубая звезда, и на нее неслись и неслись без ветра, в великой утренней тишине, неуловимые, почти несуществующие облака. В этот час все дороги в поле были пусты и прямо и недвижно стояла полными колосьями рожь. Далекий город не начал еще греметь. Это был час полета облаков и тихого света. Я узнал тогда, что полная тишина есть вселенская музыка, и слушать ее можно без конца и позабыть жить. Мы стояли очарованные и почти плакали от восторга. Облака умерли, и уже летели другие навстречу солнцу и сгорали в утреннем свете солнца и последней звезды. Эта звезда светилась и сквозь облака. Мы тогда поняли, как много неземного на земле, как в нашу тяжелую вселенную врываются другие, неведомые, чужие и легкие, как свет и дыхание, миры» (с. 190).

Этим настроениям вторит начало «Поэмы мысли»:

«На земле так тихо, что падают звезды. В своем сердце мы носим свою тоску и жажду невозможного. Сердце это корень, из которого растет и растет человек, это обитель вечной надежды и влюбленности. Самое большое чудо – это то, что мы все еще живы, живы в холодной бездне, в черной пустынной яме, полной звезд и костров» (с. 174).

Близка по интонации и образности процитированным фрагментам миниатюра «В полях», являющаяся первой частью платоновских «Заметок»:

«Я шел по глубокому логу. Ночь, бесконечные пространства, далекие темные деревни, и одна звезда над головой в мутной смертельной мгле... Нельзя поверить, что можно выйти отсюда, что есть города, музыка, что завтра будет полдень, а через полгода весна. В этот миг сердце полно любовью и жалостью, но некого тут любить. Все мертво и тихо, все – далеко. Если взглядишься в звезду, то ужас войдет в душу, можно зарыдать от безнадежности и невыразимой муки – так далека, далека эта звезда. Можно думать о бесконечности – это легко, а тут я вижу, я достаю ее и слышу ее молчание, мне кажется, что я лечу, и только светится недостижимое дно колодца, и стены пропасти не движутся от полета. От вдоха в таком просторе разрывается сердце, от взгляда в провал между звезд становишься бессмертным» (с. 184).

Приведенные фрагменты отражают мечту об идеале юного автора и его героев-автоперсонажей, жажду прорыва в «невозможное», к вечной истине сквозь туманящую ее действительность. Автоперсонажный статус героя «Заметок», впервые опубликованных в газете «Воронежская коммуна» 4 декабря 1921 г. [Комментарии, 2004, с. 580], поддерживается реальными биографическими обстоятельствами: с лета 1921 по весну 1922 г. писатель не раз путешествовал в село

¹ Далее произведения А. Платонова цитируются по этому изданию с указанием страниц в скобках.

Верхнее Волошино, где «в качестве ликвидатора крестьянской неграмотности работала Мария Кашинцева – невеста, а затем жена Платонова» [Там же]. Кроме того, у его путешествий по губернии была еще одна цель: «пропаганда среди крестьян идеи гидрофикации, обучение их приемам борьбы с засухой» [Там же]. Таким образом, можно утверждать, что, помимо героя «Заметок», автоперсонажной позицией объединены герой рассказа «В звездной пустыне», опубликованного в воронежской газете «Огни» 4 июля 1921 г. [Там же, с. 579], а также герой и его «лучший друг» в рассказе «Невозможное», датированном второй половиной 1921 г. [Там же, с. 581]. Мотивное единство с другими рассказами и эмоциональное состояние героя в «Поэме мысли» дают основание вписать его в тот же автоперсонажный ряд. В «Жажде нищего» метой автоперсонажности служит подпись «Нищий» под первой публикацией рассказа [Там же, с. 578].

Все пейзажные зарисовки объединены картиной ночи либо предутреннего состояния мира с повторяющимися элементами романтического пейзажа: далекого звездного неба, бесконечности космического пространства – манящего и одновременно утрашающего своей бездонностью. Восторг перед открывающейся картиной мира и чувство боли от несовершенства земного бытия, пронизывающие сюжетное пространство рассказов, достигают у платоновских героев степени эмоционального перенапряжения. Их внутренние рассуждения, организованные как лирический поток мысли, выдвигают на первое место не сами по себе картины ночного ландшафта, а вызванное ими *переживание* субъекта высказывания, что преобразует его в лирического героя, для которого наблюдение за идущими день и ночь облаками оказывается *личным* откровением вечного движения жизни [подробно см.: Проскурина, 2016]. Это рождает в его сознании сложные ощущения: одиночества, тайны, жажды бессмертия. В такой момент «время, логика и связанные с ними четкие образы оказываются на периферии сознания» [Брагина, 2008, с. 190]. Созерцательность смешивается с мечтой, «тайной думой» о прорыве в «невозможное», чему подыгрывает странническая позиция героя.

Странник – еще один сквозной образ платоновской прозы, наделенный романтическими характеристиками. В нем могут варьироваться доминантные черты: искателя «воли» (герои рассказа «Сергея и я»), построенного коммунизма (Саша Дванов, Копенкин в «Чевенгуре»), истины (Вошев в «Котловане») и др. Но во всех случаях объединяет их неудовлетворенность настоящим. Героев-путников ранних лирико-философских рассказов связывает тоска по единству с мирозданием, жажда преодоления онтологического одиночества («Звезды идут и идут, а мы не с ними, и они нас не знают»). Автор проигрывает разные умозрительные варианты реализации этой «жажды», главными из которых оказываются любовь к миру и человеку и ненависть к наличествующему бытию. Чаще всего два этих чувства перетекают одно в другое как единая любовь-ненависть, что можно наблюдать в рассказах «В звездной пустыне», «Невозможное». В отличие от них, в двух частях «Заметок» душевные состояния героя резко разграничены: романтические грезы первой части оборачиваются горьким разочарованием во второй, что вызвано его столкновением с низкой действительностью.

Лирический сюжет первой заметки «В полях» строится вокруг темы любви. Взор героя-путника скользит от картины звездного ночного неба к земле, с ее полями, оврагами, деревнями, которые не менее чудесны для него, чем завораживающий небесный ландшафт. Виднеющиеся деревенские избы вызывают в его душе цепочку воспоминаний: о родном доме, одиноком страннике, когда-то прошедшем мимо. Казалось бы, навсегда забытый образ сохранен памятью сердца – и это еще один сквозной элемент поэтики Платонова, «задекларированный» в раннем произведении:

«Я и на Солнце и на Сатурне не забуду этого лога, этой ночи и смертной тишины. Все мне дорого, ничего нельзя забыть и оставить; и каждой рытвине, каждому столбу и далекому человеку, пропадающему на дороге, я говорю: я возвращусь» (с. 184).

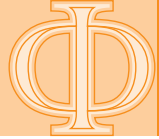
Мир обыденных вещей романтизируется вписанным в него образом невесты: «Всякий человек имеет в мире невесту, и только потому он способен жить. У одного ее имя Мария, у другого приснившийся тайный образ во сне, у третьего печная дверка или весенний тоскующий ветер» (с. 184).

Имя невесты порождает ряд проекций, в основу которых заложена биографическая ситуация: влюбленность писателя в Марию Кашинцеву. Фрагмент протягивает нить к его письмам, где образ невесты обрамлен романтическим ореолом: «Звезда и песня моя, судьба и невеста моя» [Платонов, 2013, с. 104], а от них – к рассказу «Невозможное», обыгрывающему автобиографический любовный сюжет в истории «лучшего друга» героя-повествователя. В архетипическом ракурсе прочтения в образе невесты высвечиваются аллюзии на образ Девы Марии, отчетливо проявленные в эпистолярии: «Ты оправдала мое пророчество: женщина, Мария, и не женщина, а девушка спасет вселенную через сына своего» [Там же, с. 105]. Этот евангельский ракурс задает ту же стратегию прочтения заключительного фрагмента первой части заметок:

«Я знал человека, который заглушал свою нестерпимую любовь хождением по земле и плачем. Он любил невозможное и неизъяснимое, что всегда рвется в мир и не может никогда родиться.

Я сейчас вспомнил этого человека и должен его встретить в этом логу. Вон – далекий огонь. Костер или хата. Я озяб, изголодался, пойду поговорить с людьми и увидеть между ними того, вспыхнувшего в сердце человека» (с. 184–185).

Фрагмент вызывает аллюзии на евангельский сюжет встречи Христа с учениками после воскресения. Костер или хата – места, где беседовал воскресший Спаситель с апостолами. Беседа у костра описана в Евангелии от Иоанна: «Когда же вышли на землю [из лодки], видят разложенный огонь и на нем лежащую рыбу и хлеб. ...Иисус говорит им: придите, пообедайте. Из учеников же никто не смел спросить Его: „Кто Ты?“, зная, что это Господь. Иисус приходит, берет хлеб и дает им, также и рыбу» (Ин. 21: 9–13). Так в платоновском тексте происходит перемещение сознания я-повествователя из реального времени в метафизическое – не случайно встреча с «тем человеком» творится в его сердце.

Вместе с тем образ странника может быть интерпретирован и в ином контексте, связанном с именем Ницше и его героем Заратустрой. Ницшеанские мотивы не раз встречаются в творчестве Платонова. Один из них – «любовь к дальнему». Хотя уже в самом первом по времени создания лирико-философском рассказе «Жажда нищего» происходит смешение «любви к дальнему» и ужаса перед ним:

«Был какой-то очень дальний ясный, прозрачный век. В нем было спокойствие и тишина, будто вся жизнь изумленно застыла сама перед собой.

Был тихий век познания и света сияющей науки. <...> На земле, в том тихом веке сознания, жил кто-то Один, Большой Один... С виду он был очень мал, но почему-то был большой. ...Почти чистая, почти совершенная была эта жизнь горящей точки сознания, но не до конца. Потому что в ней был я – Пережиток... последняя соринка на круглых, замкнутых кругах совершенства и мирового конца. <...>

Мне было страшно от тишины, я знал, что ничего не знаю и живу в том, кто знает все... И я кричал от ужаса каменным голосом, и по мне ходил какой-то забытый ветер, прохладный, как древнее утро в росе. Я мутил глубь сознания, но тот Большой, в котором я был, молчал и терпел. И мне становилось все страшнее и страшнее. Мне хотелось чего-то теплого, горячего и неизвестного, мне хотелось ощущения чего-нибудь родного, такого же, как я, который был бы не больше меня» (с. 166–167).

В финале рассказа «Пережиток» возвращается в естественный мир прошлого, с его «громами и водопадами», «сладкой теплотой и потом».

Фабула рассказа калькирует начало речи Заратустры «О стране культуры»: «Слишком далеко залетел я в будущее: ужас напал на меня.

И, оглянувшись кругом, я увидел, что время было моим единственным современником.

Тогда бежал я назад домой – и спешил я все быстрее: так пришел я к вам, вы, настоящие...

...с тоскою в сердце пришел я» [Ницше, 1990, с. 104].

Платоновский текст воспринял интонацию героя Ницше и мотивный каркас приведенного фрагмента. В обоих произведениях ведущими являются мотивы далекого будущего, ужаса, тоски по оставленному дому, возвращения. Различие же состоит в том, что Заратустра у Ницше – носитель знания, тогда как герой Платонова – рефлексирующий простец.

Можно найти элементы соответствий с книгой Ницше и в рассказе «Невозможное». Например, образ «лучшего друга» героя, светящегося от неутоленной любви к героине («сын света, весь сотворенный из света» (с. 194)) соотносится с образом светящегося от жажды любви Заратустры:

«Что-то неутоленное, неутомимое есть во мне: оно хочет говорить. Жажда любви есть во мне; она сама говорит языком любви.

Я – свет: ах, если бы быть мне ночью! Но в том и одиночество мое, что опоясан я светом.

<...>

Но я живу в своем собственном свете, я вновь поглощаю пламя, что исходит из меня.

<...>

...О, одиночество всех, кто дарит! О, молчание всех, кто светит!» [Ницше, 1990, с. 92–93].

Мотивы невозможного, жажды, любви, света словно перетекают в лирическую прозу Платонова из книги Ницше. Также и демиургическая идея «восстания на вселенную», творчески реализуемая в ранний период, имеет ницшеанскую природу. Не случайно первая запись в «Записных книжках» Платонова, относящаяся к 1921 г., является цитатой из книги Ницше: «Бог умер, теперь хотим мы, – чтобы жил сверхчеловек. Ницше» [Платонов, 2000, с. 17]. Эту цепочку схождений можно продолжать. Но и приведенных примеров достаточно для того, чтобы в цитированном выше финале заметки «В полях» увидеть за аллюзией на образ Христа мерцание образа Заратустры.

Однако весь сосуд высоких соответствий и смыслов оказывается опрокинутым во второй части «Заметок», озаглавленной «Бог человека». Здесь романтическая образность сменяется едкими саркастическими характеристиками, гротескным обыгрыванием телесного низа: «пуза», который представлен единственным «богом человека», направляющим его жизнь:

«Самый старый и настоящий бог на свете – пузо, а не subtilный небесный дух. В водовороте и гуденье кишок – великая тайна, в рычании газов слышатся святые песнопения и некое благоухание и тихое умиротворение.

Живот – храм человека, живот – обитель радости и человеческой доброты.

Пузо – воротило всех дел. Все другое и остальное растет из пуза и им направляется по верным путям спасения. Без пуза погибать бы всем.

Вся земля только и движется пузом, ибо, когда стонут и поют кишки, человек делается чудотворцем» (с. 185).

В этом фрагменте возникает граничащее с кощунством смещение *высокого*, относящегося к божественному плану, и *низкого*, телесного. Вместе с тем автор четко разграничивает значение слов «живот» и «пузо». Не случайно фраза «Живот – храм человека, живот – обитель радости и человеческой доброты» выделена в отдельный абзац. В этом высказывании, казалось бы, намечен высокий смысл – в соответствии с церковнославянской семантикой слова «живот», означающем «жизнь». При таком прочтении получает оправдание сама телесная сущность человека, поскольку тело с христианской точки зрения есть храм Божий: «Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святого Духа?» (1 Кор. 6: 19). Однако сужение «живота» до объемов «пуза» показывает, насколько заключенный в человеке образ Божий заглушен «кишками». Антитеза «живота» и «пуза» и вложенный в нее смысл, однажды мелькнув в платоновском тексте, остались на уровне почти неуловимого мерцания.

Сопоставление цитированного эпизода с миниатюрой «В полях» наводит на произвольное сравнение со взглядом сквозь кинокамеру: то, что на уровне

дальнего плана, в окружении полей и оврагов, вызывало у героя душевное умиление, при детальной фокусировке на сцене сельского быта предстало в натуралистических картинах «царства живота»:

«Шел я по большому селу. Стоят хаты, стоит тишь, бабы в окна поглядывают (старые стервы!), дремлет и замирает отощавшая лошадь у плетня. <...>

На одном окне я заметил наклейку. ..., «Вот тут, апосля вечернего благовестия, в Брехунах, за одну картошку каждый сможет узреть весьма антиресную лампаду – стоячий липистрической огонь, свет святой, но неестественный можно сказать, пламя. Руками его щупать будет смертоубийство».

Дальше на листе были длинные рассуждения, целый циркуляр с пунктами о том, откуда на земле свет, и почему бывают волдыри от ожогов, и где живет Ананьевна, заговаривающая всякое пупырчатое тело. А в самом низу было экономически причерчено: «А на Покров Феклуша Мымриха пойдет телешом, и снимет капоты для удовольствия, и покажет живое тело за одно денное прокормление...» (с. 185–186).

Едкий сарказм смешивается здесь с горькой самоиронией, связанной с авторскими надеждами на преобразование мира и человека. В статье «Слышные шаги (Революция и математика)», опубликованной в январе 1921 г., Платонов еще сохраняет эти надежды:

«Страсть к познанию все больше, все мучительней разгорается в человечестве. Но голова его еще не свободна, мысль подчинена брюху. Надо сначала избавиться от этого зверя. А лучшее средство избавиться от зверя, чтобы он не выл и не мешал, это – накормить и утолить его... <...>.

Человек есть тот, кем он хочет быть, а не тот, кто живет у всех на глазах.

Тихими шагами идет к нам будущее, а мы к нему бежим навстречу и радуемся заранее. И наша радость не обманется» [Платонов, 2004а, с. 147].

В конце того же года (как отмечено выше, «Заметки» опубликованы в декабре 1921 г.) иллюзии разбиваются, сталкиваясь с реальной жизнью российской глубинки. Нежность и жалость герой рассказа испытывает лишь к отощавшей от голода лошади:

«Милая моя, ты чище и грустнее человека: голодная почти до смерти, а стоишь молчишь, мужик бы бабу начал колотить, ребят пороть и сейчас же выдумал бы небесного бога – спасителя, а ты – молчишь. Спасибо тебе, лошадь, ты одна не имеешь богов, а без богов живут только сами боги» (с. 185).

В плане автоиронии прочитывается также фрагмент, снижающий демиургические амбиции писателя до удовлетворения «визжащих кишок»:

«Он, к примеру, сделает машину и начнет ею колотить горы, чтобы правильные ветры дули и лились дожди, он еще возьмет и узнает, как сделалась земля, чтобы ее переделать, а без пуза ничего бы он не сделал, ничего бы не нужно ему было, потому что человек думает и работает от мучения, а мучение бывает, когда визжат кишки» (с. 185).

Ближайшим коррелятом этого эпизода является рассказ «Сатана мысли», герой которого, инженер Вогулов, руководит «миллионными армиями рабочих, которые вгрызались машинами в землю и меняли ее образ, делая из нее дом человечеству» [Платонов, 2004, с. 198]. Так автор подвергает травестированию характерную для революционной эпохи идею мирового передела, а также собственную тоску «по неведомому, беспредельному и таинственному, жажду познания и восторг перед творчеством» [Брагина, 2008, с. 191], отраженные в том числе и в его многочисленных инженерных проектах. Наивное прекраснодушие автора и его героев оказывается развенчанным. Прием гротеска становится художественной формой, в которую Платонов облакает собственное отчаяние.

В еще более жестком натуралистическом варианте идея «пуза» как «бога человека» воплощается в романе «Счастливая Москва» – в сцене препарирования хирургом Самбикиным тела умершей девушки:

«Самбикин вскрыл сальную оболочку живота и затем повел ножом по ходу кишок, показывая, что в них есть: в них лежала сплошная колонка еще не обработанной пищи, но вскоре пища оканчивалась и кишки стали пустые. Самбикин медленно миновал участок пустоты и дошел до начавшегося кала, там он остановился вовсе.

– Видишь! – сказал Самбикин, разверзая получше участок между пищей и калом. – Эта пустота в кишках всасывает в себя все человечество и движет всемирную историю. Это душа – нюхай!

Сарториус понюхал.

– Ничего, – сказал он. – Мы эту пустоту наполним, тогда душой станет что-нибудь другое.

– Но что же? – улыбнулся Самбикин.

– Я не знаю, что, – ответил Сарториус, чувствуя жалкое унижение» [Платонов, 1999, с. 59].

Таким образом, проблема, заявленная Платоновым в начале творчества, оказалась неразрешенной и к середине 1930-х гг. «Жалкое унижение», испытываемое Сарториусом, отражает общее настроение платоновских героев демиургического типа, не сумевших реализовать свои амбициозные цели. Ответ на вопрос о душе, ее призвании автор находит лишь в трагические годы Великой Отечественной войны. Ясность и отчетливость, пришедшие на смену неопределенности, отражены в названиях произведений и сборников этого периода: рассказы «Одущевленный враг», «Неодущевленные люди», «Взыскание погибших», «На могилах русских солдат», «Броня», «Среди народа» и др.; сборники «Под небесами Родины», «Рассказы о Родине», «Солдатское сердце». Реализация новой для Платонова художественной задачи потребовала совсем иной поэтики. Ницшеанская умозрительная «любовь к дальнему» сменяется в произведениях военного периода на любовь к ближнему, к родине, дому, земле, приобретая многообразные конкретные формы изображения. В них «кристаллизуется образ “народа-семьи”, сплоченного кровно и духовно, сознающего свои обязательства перед природой

и земель» [Спиридонова, 2014, с. 124]; наконец обретает осуществление «мечта автора и героев его произведений 1920–1930-х годов о едином организме жизни, вселенском товариществе...» [Там же].

Что же касается структуры «Заметок», то принцип контрапункта, организующий две их части, оправдан авторской логикой, движущейся от умозрительного очарования видом «бесконечных пространств» и «далеких деревень» к разочарованности, граничащей с абсурдом «бедной» жизни, т.е. каждая из заметок прочитывается не сама по себе: они существуют в согласовании друг с другом, образуя единое текстовое целое с заложенной в нем контрастной основой. Такой прием рельефно показывает двойственную картину мира: с одной стороны, как дивное Божье творение, с другой – как место разрывов и катастроф. «Заметками» Платонов словно завершает одно из направлений собственного творчества, подводит итог своим сложным лирико-философским рефлексиям. Не случайно в календарном кругу этого корпуса рассказов «Заметки» занимают последнее место. В дальнейшей творческой перспективе, вплоть до середины 1930-х гг., утопические проекции все жестче оборачиваются своей жанровой противоположностью.

Библиографический список

1. Брагина Н.Н. «Заметки» А. Платонова как отражение краха романтического сознания // Известия ВГПУ: Филологические науки. 2008. № 10 (34). С. 189–192.
2. Комментарии // Платонов А. Сочинения. Научное издание. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1. С. 578–581.
3. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М.: Изд-во МГУ, 1990. 300 с.
4. Платонов А. Записные книжки. Материалы к биографии. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. 418 с.
5. Платонов А. Счастливая Москва // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. М.: Наследие, 1999. Вып. 3. С. 9–105.
6. Платонов А. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1, кн. 1. 644 с.
7. Платонов А. Сочинения. М.: ИМЛИ РАН, 2004а. Т. 1, кн. 2. 510 с.
8. Платонов А. «...я прожил жизнь» [Письма 1920–1950 гг.]. М.: Астрель, 2013. 685 с.
9. Проскурина Е.Н. Грани языковой личности автора в ранних лирико-философских произведениях А. Платонова // Филологический класс. 2021. Т. 26. № 1. С. 98–106.
10. Проскурина Е.Н. Дискурсная структура рассказа А. Платонова «В звездной пустыне» // Сюжетология и сюжетография. 2016. № 2. С. 189–197.
11. Спиридонова И.А. «Под небесами Родины». Художественный мир военной прозы А. Платонова. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2014. 145 с.

Сведения об авторе

Проскурина Елена Николаевна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора литературоведения Института филологии, Сибирское отделение Российской академии наук (Новосибирск); e-mail: proskurina_elen@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

DOI: <https://doi.org/10.25146/2587-7844-2022-19-2-115>ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>

CONTEMPLATOR VS FRUSTRATED WANDERER: DOUBLE FACED CHARACTER IN “NOTES” BY A. PLATONOV

E.N. Proskurina (Novosibirsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. “Notes” by A. Platonov are included in the corpus of his early lyrical and philosophical stories. These include the works of 1921 “The Beggar’s Thirst”, “In the Starry Desert”, “Poem of Thought”, “The Impossible”. However, until now “Notes” has not been analyzed as part of this range of works.

The purpose of this article is to analyze the type of hero, poetics of the plot, to show the unity of the “Notes” with other lyric and philosophical stories written by Platonov; to reveal the dynamics of the hero’s image and the strategy of the plot of the story; to reveal his special place among the named works; to show the connection of Platonov’s hero-wanderer with Zarathustra F. Nietzsche, as well as the Nietzschean origins of some motives in Platonov’s stories.

Conclusions. Unlike other lyric and philosophical stories, “Notes” have a two-part structure. The principle of counterpoint, organizing the two parts, is justified by the author’s logic: it moves from a speculative fascination with the sight of “endless spaces” and “distant villages” to disillusionment with real life. Thus, both parts exist in agreement with each other, forming a single textual whole with a contrasting basis embedded in it. With his “Notes” Platonov completes one of the areas of his own creativity, sums up his complex lyric, philosophical and utopian reflections. In further creative perspective, the utopian prospectuses turn more and more clearly into their genre opposite.

Keywords: *early prose of A. Platonov, lyric and philosophical prose, motive, hero.*

References

1. Bragina N.N. “Notes” by A. Platonov as a reflection of the collapse of the romantic consciousness // Bulletin of the Volgograd state. ped. University. 2008. No. 10 (34). P. 189–192.
2. Comments // Platonov A. Works. Scientific publication. M.: IMLI RAN, 2004. Vol. 1, book 1. P. 578–581.
3. Nitshe F. Thus Spoke Zarathustra. M.: Izd-vo MGU [Moscow State University Publishing House], 1990. 300 p.
4. Platonov A. Notebooks. Materials for biography. M.: IMLI RAN, Naslediye, 2000. 418 p.
5. Platonov A. Happy Moscow // “Country of Philosophers” by Andrey Platonov. Problems of creativity. M.: Naslediye, 1999. Is. 3. P. 9–105.
6. Platonov A. Sochineniya. Works. Scientific publication. M.: IMLI RAN, 2004. Vol. 1, book 1. 644 p.
7. Platonov A. Sochineniya. Works. Scientific publication. M.: IMLI RAN, 2004a. Vol. 1, book 2. 510 p.
8. Platonov A.P. “... I have lived a life”. Letters [1920–1950]. M.: Astrel, 2013. 685 p.
9. Proskurina E.N. Facets of the Author’s Linguistic Personality in the Early Lyric and Philosophical Works of A. Platonov // Philological Class, 2021. Vol. 26. No. 1. P. 98–106.
10. Proskurina E.N. Discourse structure of A. Platonov’s story “In the starry desert” // Syuzhetologiya i syuzhetografiya. 2016. No. 2. P. 189–197.

11. Spiridonova I.A. "Under the skies of the Motherland". The artistic world of military prose by A. Platonov. Petrozavodsk: Izd-vo PetrGU, 2014. 145 p.

About the author

Proskurina Elena Nikolaevna – DSc (Philology), Chief Researcher of the Section of Literary Studies, Institute of Philology of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia); e-mail: proskurina_elena@mail.ru; ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-2809-6780>